Бова-королевич

В некотором царстве овдовела государыня: помер ее государь, и у ней остался наследник. Ему нарекли имя Бова-королевич. Она полюбила в ином царстве себе государя. Вот ей государь и отвечает: «Низведи (погуби) ты своего сына: я тебя буду любить. А не изведешь, не буду!». Она взяла его (сына-то), засадила в темную темницу и заперла его на замок, сама пошла с своим любовником в сад гулять. Сын-то смотрить в окошечко, увидал, говорит: «Кто это такой ходит: гость какой или приезжий? Да что это мать меня с голоду уморила?». Вот она (мать) приходит к поварам, говорит: «Возьмите вы змеиного сала, испеките пирог пшеничный. Пусть съест, его сейчас разорвет». Повара испекли и отдали няньке, которая за ним ходила. «Отнеси, говорит, ему!».

Няньке его жалко стало, отрезала хлеба ломоть и пошла к нему. Отворила комнату, он увидал, что она несет ему поесть, сама слезно плачет. Он ей отвечает: «Милая моя нянюшка! О чем ты плачешь? Или вам меня жалко?». — «Еще бы мне не жалко было, я за вами вот 17 лет ходила. Не стало вашего папаши, а ваша мамаша хотела вас уморить, положила в пирог змеиного сала, поешьте вы моего аржаного (черного) хлеба, вы здоровее будете». Он отломил хлеба аржаного, стал есть и заплакал. «А, милая моя мамашенька! Что это она со мной делает!». — «Она, говорит, вам не мать, а змея лютая». — «Ну, милая моя нянюшка, не затворяй ты за собой двери!». — «Твоя маменька злодейка, она меня выгонит; мне житья от нее не будет!». А он говорит: «Я выйду на божий свет, вас не забуду». И все мосты были у них опущены, чтобы по них ходу не было, боялась мать, что он уйдет. Он выскочил из темной темницы и закричал: «Поднимайте все мосты!». Сейчас мосты подняли, он пробежал по всем мостам. Подбежал он к морю и закричал: «Эй вы, господа корабельщики! Перевезите меня на ту сторону!». Они его взяли на лодку посадили.

А его мать схватилась, а его и нету. Сейчас послала догоном, подбежали они к морю. Мать-то и шумит: «Эй вы, господа корабельщики! Отдайте моего сына!». Они и говорят: «Давайте отдадим, мы и без него хлеб ели». А он им говорит: «Отдайте, попробуйте! Я вас всех в воду поссую» (побросаю). Ну они его перевезли на свою сторону.

Привезли они его на свою сторону и пошли товаром торговать и его с собой взяли. Царь послал человека покупать товару. Этот человек простоял трое суток. Сколько не смотрит на товар, сколько смотрит на мальчика: добре хорошо он на гуслях играет. Он посылает няньку. «Нянька, пойди посмотри: что долго человек нейдет?». Нянька простояла шестеро суток, столько на товар не смотрела, сколько на этого мальчика: добре хорошо он на гуслях играет. Вот он посылает свою дочь: «Поди, моя дочь, посмотри, что они долго нейдут?». Дочь пошла, девять суток простояла. Добре он ей понравился: хорошо на гуслях играет. Государь очень разгневался: «Что это они нейдут? Дай я сам пойду!». Приходит. «Что вы, говорит, долго нейдете?». — «Да вот, говорит, у них товар хорош, да мальчик еще лучше: добре на гуслях играет». — «Ну, когда он тебе понравился, мы его себе возьмем!». Взяли этого мальчика и приставили его за лошадьми ходить.

Государева дочь из окна на него все смотрит. Добре он ей понравился. «Ах, милый мой папашенька. Какого мы человека приставили за лошадьми ходить! Давай лучше велим ему кушанья носить!». — «Когда вам, душенька, он понравился, возьмите!». Приносит он ей кушанья, она у него спрашивает: «Мальчик, скажись, какого ты роду?». — «Я, говорит, роду простого». Она ему отвечает: «Нет, говорит, я вижу, вы роду не простого». — «Ну, — он отвечает, — я роду простого». — «Как вас звать?». — «Меня зовут Ангусей!». Она ему опять отвечает: «Нет, я вижу — вы роду не простого, или господского, или купеческого, или королевского!». Приносит он опять ей кушанья, она упала к нему на колени, слезно плачет. «Слышишь ты, Ангусей, какого ты роду?». — «Я вам, говорит, сказывал, что простого; моя матушка белье мыла, тем меня кормила». Опять приносит он ей кушанье. Она пала к нему на колени, говорит: «Слышишь ты, Ангусей, скажи — какого ты роду?». — «Что же, говорит, вам очень нужно узнать обо мне?». Она ему отвечает: «Очень, говорит, я в вас влюбилась, если вы мне скажете, какого вы роду, то я за вас замуж пойду!». Он ей стал рассказывать: «Я, говорит, роду не простого, а королевского; мое имя Бова-королевич». Она его сейчас в уста целует. «Будь ты мне нареченный жених». Побежала она к своему отцу. «Ну, говорит, папашенька. Он, говорит, роду не простого, он королевский сын, его зовут Бова-королевич. Я за него замуж иду!». Отец очень рад, что она за него замуж идет. Сейчас их повенчали.

Царь и дает ему коня, а конь у него стоит двенадцать лет в комнате, за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью цепями чугунными. Не можно его в глаза (sic!) видеть, не только что на нем ездить. Он (царь) дал ему ключ, он одну дверь отпер, одиннадцать дверей конь сам прошиб:

добре силен. Выскочил этот конь, взвился на дыбы и хочет его съесть. «Стой, несытая кляча! Кому же ездить на вас, как не нам, богатырям». Он оседлал своего ворона коня и садится на седло, подъезжает к крыльцу и распрощается с своей хозяйкой. «Ну, говорит, прощай, моя душенька. Поеду я, разгуляюсь!».

У их отца (у тестя) стоит на дворе старичок, пятьдесят лет караулит двор, чтоб птица никакая не пролетела и зверь никакой не пробежал. Он проехал и то его не видал, спит этот старичок. Вот он взял нагайку, стегнул этого жениха. «Что, говорит, невежа, не выспишься, лежа?». Он на него смотрит. «Ты что? У меня тут ни один зверь не пробежал, ни одна птица не пролетела, а ты еще меня стал обижать!». Старик этот на него осердился, взял два пузырька зельев, один пузырек сонных зельев, другой старых. И Боба-королевич этого старичка не узнал, увидал, что он несет пузырек, говорит: «Ах, дедушка, дай-ка мне напиться!». Старик дает ему со злостью: «На, говорит, выпей». Он выпил этих сонных капель и уснул. Написал этот старик со злости письмо: «Проснешься ты, молодец, поезжай ты к такому-то царю в гости!». А к этому царю написал: «Что вот приедет к вам разбойник, что у вас сына убил». Он проснулся и думает: куда же я еду? Взглянул, а у него письмо за пазухой. Он прочитал письмо: «Ах, говорит, мне к такому-то царю надо ехать в гости». Вот он приезжает к такому царю в гости, и Бова подает письмо. «Вот, говорит царь, приехал разбойник, который нашего любимого сына убил». Он его взял засадил в темную темницу.

А у него дочь была. «Папенька, зачем, говорит, эдакого человека посадили в темницу, он по крайней мере нам бы кушанья готовил!». — «А когда, душенька, он тебе понравился, пусть он готовит». Он приносит ей кушанья. «Пойди, говорит, в нашу веру!». — «Как же, говорит, пойду я в вашу веру латынскую!». Она сейчас пошла, пала перед царем на колени. «Папенька, говорит, виновата я перед вами, он, говорит, все зло помнит, нейдет к ним в веру». Он приказал его (Бову) на виселицу повесить, приставил двенадцать человек. Он всех двенадцать человек разбросал, от них вырвался бежать.

Взял приехал он к своему дворцу близко, у дворца нищенки. Жена его им обед делает, чтоб его поминать: пять лет уж он пропал. Услышал он, что его поминают, взял старого зелья, умылся, сделался старым. Вот он пришел, всех этих нищенок побросал с крыльца долой, подходит к ней. «Пожалуйте, говорит, милостинку не ради меня, ради Бова-королевича». Она сейчас тарелку уронила. «Няньки, мамки! Угощайте нищих!». А его отвела в

комнату. И стала она у него спрашивать: «Как же ты его знаешь?». — «Я, говорит, с ним до двора шел!». Она не верит, пристает к нему, чтоб сказал правду. «Что вам говорить, я сам Бова-королевич!». — «Что вы, старый человек, шутите, я бы его узнала, а вы добре стары!». Он пошел в иную комнату, умылся другими зельями, стал молодой красавец, приходит к ней в комнату. «Друг мой милый! Откуда ты взялся?». А нищих велела прогнать, и стали жить-поживать да добра наживать.

(Село Жолчино Рязанского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.